

И.С. Хугаев

«ТАЗИТОВ КОМПЛЕКС»: К ПРОБЛЕМЕ ПУШКИНСКИХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ У КОРИФЕЕВ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И.С. Хугаев*

Аннотация. В статье рассматривается идейно-эмоциональная тенденция осетинского Просвещения в части реформирования патриархальной этики и адата в собственно просветительскую идеологию; обосновывается методологическое значение понятия «Тазитов комплекс» применительно к психологии первых осетинских литераторов и начальному этапу развития осетинской профессиональной художественной литературы.

Ключевые слова: осетинская литература, просвещение, христианство, «ветхий завет», «новый завет», кровная месть, Тазитов комплекс, Тазит, Хасана, Госама, Иналуко Тхостов, Александр Кубалов, Коста Хетагуров.

Неоконченная поэма А.С. Пушкина «Тазит» (1829–1830 гг.), при всей ее сюжетно-композиционной лаконичности, отразила эпохальные социально-культурные сдвиги в жизни горских народов. Ее главный герой в силу неизвестных («Незрима глубь сердец. // В мечтаньях отрок своеволен, // Как ветер в небе...» [1, с. 131]) мотиваций отказывается от кровомщения, что влечет за собой проклятие отца и отторжение общины. То обстоятельство, что до завязки сюжета и за его пределами Тазит по обычаю аталычества воспитывается «за горой» неким «седым стариком», ничего не объясняет, зато открывает возможность различных методологических трактовок. Для нас оно важно в той мере, в какой мы можем ассоциировать образ Тазита с типом горского просветителя, с «агентом» внешней (русской, европейской, христианской) культуры (либо, в широком смысле, мышления и этики нового типа) в традиционной, патриархальной горской среде. Вероятно, у нас есть для этого основания, коль скоро П.В. Анненков, рассуждая о невоплощенном финале поэмы, считал «...возможным думать, что просветленный и умиротворенный Тазит является снова между народом своим в качестве учителя...» [2] (курсив наш. – И.Х.)

Во всяком случае и как минимум, базовый конфликт поэмы имеет социально-исторический характер. «...В образе Тазита, – писал Г.Ф. Турчанинов, – нашло свое отражение то новое, что проникло на Кавказ вместе с русской культурой (...) Князья и уздени становились менее воинственными (...). Все это особенно отражалось на молодом поколении, на которое образ русской жизни и культура оказывали действие, смягчающее их нравы и благоприятствующее развитию новых взглядов (...) в поэме показан конфликт между сыном и отцом как конфликт между старыми феодально-патриархальными формами черкесской жизни и быта и тем новым, что неодолимо входило в быт и культуру черкесов благодаря все растущему сближению их

с более передовой и развитой культурой русских. Пушкин был первым поэтом, который не прошел мимо этой новой поросли в старом черкесском обществе, а Белинский был первым, кто отметил в поэме Пушкина трагическую коллизию между отцом и сыном как коллизию между старым обществом и новым человеком» [3, с. 48].

Совокупность психологических и этических особенностей Тазит, которую мы условно называем *комплексом Тазита*, характеризует динамику и тенденцию северокавказского Просвещения и в целом психологию первых поколений горской просветительской интеллигенции. При этом мы полагаем, что Тазитов комплекс в наибольшей мере относится к осетинскому национальному сознанию и к судьбе осетинской национальной культуры. Для осетин это вполне эмпирическое положение; будучи прямо связано с переживанием осетинами своей национальной особенности по ряду важных этнологических параметров [4, с. 121–128] (можно сказать, что в окружении других северокавказских народов осетины – это во многом народ-Тазит: не в последнюю очередь это связано с осетинским христианством), оно во многом проясняет идейно-психологическую парадигму осетинской литературы.

Как писал в 1874 году Д.Я. Лавров, «характер осетин представляет в общих чертах если не противоположность, то значительную разницу с общим характером народов, населяющих Кавказские горы. Известно, что отличительными чертами последних, по общеустановившемуся мнению, считаются порывистость, быстрая восприимчивость и непостоянство. (...) Отличительными же чертами характера осетин можно признать выдержанность, склонность к однообразной жизни и мирным занятиям. Очевидно, что эти свойства совершенно исключают в народонаселении развитие тех диких инстинктов, которые побуждают человека предпочитать праздную, воинственную, полную разнообразия жизнь...» [5, с. 46–47]. Лавров отмечает такие специфиче-

* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. филолог. наук, ведущий научный сотрудник КНИО ВНЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

ские осетинские качества, как «высокий уровень общего умственного состояния» и «патриотический и религиозный индифферентизм», которые представляются залогом «успешного развития гражданственности». «...В осетинском населении, – пишет он, – почти не заметно того узкого, одностороннего патриотизма, который в большинстве случаев выражается в сильном предубеждении ко всему чуждо национальному и составляет принадлежность большинства полукцивилизованных народов. (...) между осетинами сравнительно редко можно встретить религиозных фанатиков крайне сурового закала, какие и до сих пор попадают между другими кавказскими туземцами» [5, с. 44]. Оценивая эти последние «настроения» как «восприимчивую и плодотворную почву для принятия цивилизующего европейского влияния» [5, с. 47], Лавров в то же время подчеркивает, что подобные нравственные черты осетин «замечались многими этнографами и исследователями даже в давнопрошедшие времена, так что [их] можно принимать за результат более продолжительных и сложных причин, чем недавнее влияние русской гражданственности» [5, с. 44].

Тазит – герой трагический [3, с. 54]; и не только в силу объективных обстоятельств, но и в силу определенной коллизии его внутреннего состояния, – ибо не может быть, чтобы он вовсе не слышал голоса крови. Соответственно, чувство трагизма бытия неотделимо и от поэтики нарождающейся осетинской литературы. В эмоционально-психологическом смысле просвещение имело для осетин ярко выраженный двойственный характер: с одной стороны, оно дало осетинам орган речи (кириллическую письменность) и новые надежды, с другой – обострило сознание того, что прошлое – героическое и «веселое» (в ницшеанском, дионисийском смысле) – уже никогда не вернуть¹. Поэтому, манифестируя лозунги и ценности просвещения и прогресса, первые осетинские писатели и поэты не упускали случая подвергать русское просвещение (не только, как принято думать, русскую администрацию) жесткой критике и, временами глубоко разочаровываясь в прогрессе, более или менее очевидно сожалели об утрате девственной «дикой свободы». Форсированное развитие младописьменная осетинская литература сочетала с верностью своим ностальгическим грезам, идеалам суверенной воли, навсегда укоренившейся в ней в качестве одной из ведущих тем, в которой она компенсировала современные осетинские комплексы [8, с. 102–109].

Одним из таковых и выступает означенный выше комплекс. В новейшую (российскую) эпоху

он выразился в приверженности мирному образу жизни, что, в частности, гарантировало неучастие осетин в Кавказской войне. Осетины никогда не изменили своим симпатиям к России, но горское сознание и кавказская идентичность обусловили некое подобие сожаления об этом «раскольничестве», и оно отразилось на идейно-тематическом уровне осетинской литературы, в том числе на уровне психологии лирического героя, мало отвечающего идеалам кавказской героики. Пушкинский Тазит тоже был, в определенном смысле, поэтом; во всяком случае, поэт проявляется в его поведении и образе жизни: «Среди родимого аула // Он как чужой; он целый день // В горах один; молчит и бродит (...) Он иногда до поздней ночи // Сидит, печален, над горой, // Недвижно в даль уставя очи, // Опершись на руку главой...» [1, с. 131].

Указанный комплекс усугублялся в исторические минуты, когда «агенты» русской культуры (как в лице реальных деятелей просвещения и литературы, так в лице литературных героев) высказывали нелестные мнения об Осетии и осетинах именно по поводу их сравнительной смиренной «бедности», небрежения к оружию, отсутствию экзальтированности и неистовости (Лермонтов и отчасти Пушкин): получалось, что осетин упрекали в тех добродетелях, ради воспитания которых и пришло к ним Просвещение. Тогда осетины, никак, конечно, не желавшие слыть «наисовременнейшими скромными сынками морали, которые больше не кусаются» [7, с. 413], начинали ревновать даже к недоброй славе других «туземцев», гораздо более интересных с художественной (романтической) точки зрения, именно в силу экзотической «буйности нравов», религиозного (исламского) фанатизма, мюридизма и пр.² (больше того, в поисках сравнительно яркого художественного материала осетинские писатели сами не раз *подвигались* на Восток [9, с. 112–129], так что обращение к жизни других горских народов в их творчестве не всегда объяснялось только интернационализмом, – здесь присутствовали и чисто *поэтические* цели).

Очевидно, феномен Тазита при специальном рассмотрении наполняется (для осмысления генезиса и развития осетинской литературы) методологическим смыслом. Каково же, с учетом отмеченных обстоятельств, эмпирическое выражение этого феномена в творчестве первых осетинских писателей? – и каковы динамические тенденции этого комплекса? Чтобы ответить на этот вопрос, мы возьмем несколько семантически и психологически конгениальных литературных построений, относящихся к первым опытам осетинской литературы.

¹ Осетинам была бы понятна логика Клейста, который говорит, что, вопреки сложившимся представлениям, народы начинают с «героической эпохи, из всех достижимых, несомненно, самой высокой; когда же у них ни по каким человеческим и гражданским добродетелям не стало героев, они таковых сочиняли...» [6, с. 119–120]. Равно как и то недоверие, которое высказывал Ницше смыслу культуры, понимаемому как «выведение из хищного зверя «человек» некой и ручной и цивилизованной породы... домашнего животного» [7, с. 429].

² Но не менее резкий протест вызывали у осетин отзывы в интонациях «варварской» концепции. Таким образом, обе тенденции (как идеализация, так и варваризация) выступали решающими внешними факторами, двигающими развитие осетинской литературы на первых этапах.

Все интеллигентные горцы переходной формации были в той или иной мере Тазитами, ибо преодолели в себе инерцию адата («кровь за кровь»). Не случайно образ Тазита рассмотрен (и раз и навсегда актуализирован) в первом же литературно-критическом очерке в осетинской литературе, написанном Иналуко Тхостовым, – «Кавказ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову» (1858). Неожиданность состоит в том, что Тхостов выразил недоверие не отрицательным, а положительным – с точки зрения канонического просвещения – типам горцев, созданным русской литературой: «В "Тазите" Пушкин хотел изобразить нечто необыкновенное в горской среде; мягкость души, обнаружившаяся при встрече с убийцей брата, ставит его выше господствующих предрассудков (...) кто внушил ему высокую идею – щадить врага как самого себя? (...) он великодушно обрекает себя на изгнание единственно для того, чтобы избежать пролития крови. Тазит – идеал великодушия героя, осуществление которого не близко для жителей Кавказа» [10, с. 53].

Просвещенный горец, уже в силу его приобщенности к «фонду зарубежных» [11, с. 1] или наднациональных ценностей представлял собой с точки зрения культурных и языковых контактов фигуру *пограничную*. И.Г. Тхостов говорит о нетипичности Тазита как *нового*³ – пусть даже слишком нового – человека, однако нам кажется очевидным, что эту нетипичность мог отметить и сформулировать только тот, кто уже в известной мере сам был Тазит. Действительной характернейшей чертой кавказца является некий горский снобизм, не допускающий сомнений в личной истовой «горскости», – а также особенное кокетство, не позволяющее смотреться в зеркала. Как бы то ни было, Иналуко Тхостов, Инал Кануков, Коста Хетагуров, Сека Гадиев, Георгий Цаголов не столько *прагматичные* и *коварные* Аммалат-беки⁴, сколько *романтически честные* Тазиты. В глубине души горец-интеллигент, уже не вполне принадлежавший только национальной культурной традиции, до известной степени ассоциирует себя с Тазитом как типом горца переходной (пограничной) культурно-исторической формации.

В реакции Иналуко Тхостова на образ Тазита сказалось именно то, что в нем самом было от Тазита. Иналуко с чувством некой стыдливости от-

крещивается от него, как бы не желая признавать в зеркале свое собственное отражение.

Ибо рождение литературного героя кладет конец одиночеству прототипа, и, в известном смысле, самому прототипу. В поэме Александра Кубалова «Афхардты Хасана» (1897) («Хасана из рода Оскорбленных»); первая поэма и первая книга, изданная на осетинском языке) осетинское литературное сознание усваивает уже, помимо прочего, аналогию между одиночеством человека и одиночеством народа, для осетин синонимичного вынужденной до-просветительской изоляции в ущельях Кавказа. С точки зрения исторической концепции Кубалова необходимо, чтобы Хасана погиб: только так может быть исчерпан инцидент, или прошлое; смерть Хасаны, не сумевшего – или не захотевшего – стать Тазитом – это *конец* «ветхозаветной» Осетии⁵.

Данная поэма не содержит прямых поводов к актуализации Тазитова образа и комплекса; но ряд гармонических реминисценций (как положительных, так и отрицательных, антонимических) нельзя обойти вниманием. Афхардты Хасана – тоже тонкая, поэтическая душа (иначе какой был бы прок в этой жертве), как Тазит; но Тазит ослушался своего отца Гасуба, а Хасана не ослушался своей матери (что требование крови из уст Госамы следует в тексте постфактум самого возмездия, в данном контексте не имеет значения). Госама, пожалуй, первый *характер* в осетинской литературе, именно в силу его парадоксальности: она алкает крови обидчика, она требует от сына мести, она благословляет его на убийство. Гасуб, проклиная Тазита, даже несколько тривиален в сопоставлении с почти инфернальною Госамой. Женщина, требующая крови: этот образ отныне и надолго укоренен в осетинской литературе⁶ благодаря его динамическим возможностям и эстетической «соблазнительности», ибо понятно: уж если женщина ищет крови – речь идет о крайней, *смертельной* жажде. Символика жажды и питья всегда чувствительна и наглядна, и в этом плане мотив и образный строй увещеваний Госамы, содержащих естественно-физиологические метафоры – «Пусть тебе обратно отрыгнется кровью // Молоко, которым я тебя вскормила, // Если ты не знаешь, что такое храбрость!» [15, с. 41] – также сулит в будущем (литературном) устойчивую повторимость. Итак, в мире поэмы остается Госама

³ Именно так этимологизируется (из персидского) исследователями имя Тазит – «новый, свежий, молодой» [10, с. 66]; в то время как имя Гасуб происходит от арабского слова, означающего «хищник, разбойник, грабитель». Эти два имени как нельзя лучше раскрывают истинный замысел и идею поэмы [3, с. 50]

⁴ Особняком стоит здесь Мусса Кундухов, просветительские заслуги которого перед осетинским (и не только) народом хоть не так очевидны, но все же бесспорны. Стоит также помнить, что некоторые просветительские воззвания генерала Кундухова дискредитированы его убийством (именно на почве кровомщения) цорийского старшины Бехо, о котором генерал пишет в своих «Мемуарах» [12: 160–161].

⁵ Фабула вообще всегда возникает из дисбаланса, ущербности – или оскорбления (!); в конце концов, герой должен уйти, чтобы в мире воцарился хотя бы относительный покой. Даже поэтическую гармонию герой оплачивает своей кровью.

⁶ Достаточно вспомнить еще два образа в осетинской литературе: мать Фацбая Халарова из рассказа Батырбека Туганова «По адату» (1896) и мать Ахмата из рассказа Елбасдуко Бритаева «Месть молодого горца» (1911). Первая, оплакивая убитого старшего сына, пеняет младшему: «...люди, ежели ты не умеешь защититься или мести твоей не бояться... заключают (...), как вороны – падаль» [13, с. 60–61]; вторая отчитывает сына за неотмщенную отцу: «...зачем забыл ту дорогу, что веками устраивали тебе отцы и деды твои! Мир праху их! Позором покрыта она! По ней со славы не пройдешь ты больше! Сладость беспощадной мести разве ты не высосал с молоком моей груди?» [14, с. 285].

– остается плачущая и многострадальная осетинская земля-мать с неизбывным чувством не только утрат, но и – впервые – с ощущением несовершенства ее старого адата, «ветхого завета» («око за око»), исполнение которого не обязательно приносит удовлетворение, но неизбежно умножает боль⁷.

С учетом этого *отрицательного* идейно-художественного опыта следует рассматривать дальнейшее развитие психологии лирического героя в осетинской литературе.

Явные и скрытые симптомы Тазитова комплекса налицо в поэзии Коста Хетагурова. Коста может быть психологически позитивным, оптимистичным, жизнеутверждающим: «Дети Осетии, // Братьями станем // В нашем едином дружеском стане. // С нами высокое // Знамя народа. // К свету, с победною // Песней похода! // К правде сверкающей // Смело шагайте! // Труссы, бездельники, // Прочь! Не мешайте!» [16, с. 231]. Но в наиболее серьезных и глубоких стихотворениях Коста собой недоволен: «(...) Я слаб, безвестен // В родимом краю... // Отец, о если б // Мне доблесть твою! // (...) Стою, увядший // От дум и забот. // На битву младший // За мной не идет. // За край мой кровью // Своей не плачу – // Раба оковы, // Бесславный, влачу...» [17, с. 17].

Налицо дилемма, которая характеризует внутреннее, тайные конфликты истинной поэзии, очень точно обозначенные Некрасовым: «Мне борьба мешала быть поэтом, // Песня мне мешала быть бойцом» [18]. В этом смысле осетинская поэзия (в том числе русскоязычная, в лице хотя бы Инала Канукова и Георгия Цаголова) безусловно истинна, и она сводится к оппозиции *гражданства* и собственно *поэзии*, поэтического *утилитаризма* и *чистого искусства, идеологии и эстетики, пользы и красоты, наконец, содержания и формы*. Это два полярных методологических принципа всякого поэтического творчества; все первые осетинские поэты ищут их гармонического соединения, но Коста вызывает гораздо более прочные и далеко ведущие – вплоть до Тазитов (и изгоев другого рода) середины XX века – ассоциации: «Вся жизнь – как изморось. Лишь на устах осанна. // Не отступая вспать, не настаю в скачь. // То на таких, как я – презренье Иоанна: // Не холоден и не горяч!» [19, с. 17]. Переживание этих типичных поэтических дилемм у Коста Хетагурова выражено так же ярко и драматично, как у всех настоящих поэтов, единственное блаженство которых состоит в том, что они посетили «...сей мир // В его минуты роковые» [20].

Революционно-демократическая повестка дня (и соответствующая литературная традиция) требовала гражданских акцентов, но душа поэта стремилась всегда на «чарующее лоно природы» [21,

с. 7]. Замечательное психологическое свидетельство оставил один из близких друзей поэта, его одноклассник (по Ставропольской гимназии) Алексей Гуцин: «Хетагурова мало интересовали интриги людей, для коих он всегда старался подыскать "смягчающего виду обстоятельства". Этот благородный склад его души заметен и в произведениях поэта; и если в некоторых из них он и выступает как обличитель, то, скорее, по долгу литератора-гражданина, чем по призванию. Призвание же его – чистейший лиризм...»⁸ [22, с. 138]

Если пушкинский Тазит был поэтом, то он был поэтом исключительно лирического толка. Очевидно, что хетагуровская «Дума» декларирует этот тазитовский лиризм в качестве жизненного принципа. И сразу после «Думы» в сборнике «Ирон фандыр» следует стихотворение «Ныфс», название которого, заметим сразу, не вполне адекватно переводят на русский как «Надежда». Осетинское «ныфс» имеет несколько значений, иногда значительно отстоящих друг от друга; у В.И. Абаева значение «надежда» только замыкает следующий ряд: «(...) «дух» (в смысле немецкого «Mut»), «твердость духа», «смелость», «отвага», «решимость», «уверенность» [23, с. 195]. Внимание к этому частному вопросу объясняется тем, что, как это нередко бывает, заголовок формулирует важнейший тезис произведения. «Дума» и «Ныфс» являются соответственно вторым и третьим стихотворениями в «Ирон фандыр»-е, причем «Ныфс» продолжает, или развивает «Думу». Или, лучше, представляет ее вариант, вариацию с укрупнением идейного плана, в которой правомерно усматривать одну из версий Тазитовой исповеди: «(...) По мне ль твоя слава // И гордая честь? // Оставь меня, право, // Таким, как я есть. // Ружья не держу я, // Не мчусь на коне, // И шашку стальную // Не выхватить мне...» [24, с. 19]. Обратим внимание, как это близко пушкинскому пассажи: «Но между юношей один // Забав наездничьих не делит, // Верхом не мчится вдоль стремнин, // Из лука звонкого не целит» [1, с. 135].

В «Надежде» Коста Хетагурова утверждаются, по меньшей мере, решимость и отвага *нового*, так сказать, *сорта*, которые единственно подобают Тазиту, которые делают Тазита Тазитом. Тазит служит высшей правде: он самостоятельный, независимо мыслящий герой, он не заботится о том, что о нем подумают сородичи: для него есть только высший суд; он боится только Бога⁹.

Тазит – безусловно лирическая душа, апофеоз лиризма – именно таким его и создал Пушкин. И если бы у него была возможность отчитаться Гасубу в своих одиноких лирических прогулках, он мог бы ответить ему подобной «элегией» – сказать то же, что сказал Коста своему отцу, прапорщику

⁷ Главная идейная тенденция рассказа Арсена Коцоева «Пятнадцать лет» (1923).

⁸ Это, по нашему убеждению, необходимо иметь в виду всякий раз, когда встает вопрос меры его, Коста, революционности.

⁹ Апофеозом Тазитовой психологии, этики и мировоззрения выступает в истории осетинской литературы «непротивленство» Инала Канукова, ярко выразившееся в очерке «Антиутилитаризм» (1896). Но это отдельный и специфический вопрос.

милиции Левану Елизбаровичу Хетагурову, пользовавшемуся «среди сородичей огромным авторитетом и уважением»: «Чей сын ожиданья // Отца оправдал?» [24, с. 19] – вот ключевая в этом смысле фраза.

Итак, осетинская литература в момент становления ярко запечатлела некий разрыв в ткани национальной истории, болезненное для народного сердца нарушение ритма преемственности поколений, чувство утраты – в момент просвещения – духовной невинности и «дикой свободы». В самом деле, все осетинские просветители так или иначе славословят старшие поколения «джигитов», с оружием в руках защищавших свою – пусть дикую – свободу, и делают это не без некоторого поэтического презрения к самим себе и к тому поколению осетин, на долю которого выпало «перековать мечи на орала».

Последний фразеологизм (и его различные варианты) очень популярен в становящейся осетинской художественной литературе и публицистике именно потому, что он выражает собой психологию эпохи, в которой формируется – или *хочет* формироваться – принципиально новая система этических ценностей и норм. Глубина этих процессов мо-

жет быть опосредованно выявлена, применительно к рассматриваемому вопросу, в самой парадоксальности писательской славы Коста Хетагурова (и не только его), разительно отличной от «авторитета» отцов. Кто бы знал сегодня в Осетии, что Леван Хетагуров был уважаемый человек, если бы не его «непутевый» сын?

Время Тазитов: меняется (мы бы сказали, становится историческим) само понимание таких коренных категорий этики, как долг, обязанность (осет. «хæс»), право («бар»), честь («кад»), слава («намыс») и др. Новая этика создает новую символику: сердце народа как поле, нива; поэзия как семя; дума (мысль) и лира (фæндыр) как плуг, соха; ружье и шашка (кинжал) как символы *ветхого* осетинского завета.

В свое время мы называли Инала Канукова Иоанном Предтечей осетинской литературы [25, с. 159]; это не принципиально само по себе и может быть отнесено ко всем «до-литературным» осетинским писателям и просветителям – в том смысле, что все они так или иначе предрекали своим творчеством пришествие истинного литературного мессии; принципиально то, что именно Коста дал осетинам поэтический Новый завет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. *Тазит* // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 3 т. – М.: Художественная литература, 1986. Т. 2.
2. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. – URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0020.shtml
3. Турчанинов Г.Ф. К изучению поэмы Пушкина «Тазит» // Русская литература, 1962. № 1. С. 38–54.
4. Хугаев И.С. Имманентные и внешние этнокультурные архетипы как факторы генезиса русскоязычной осетинской литературы // Научная мысль Кавказа, 2009, № 3.
5. Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: В 4 т. / Сост. Л.А. Чибиров. – Цхинвали: Иростон, 1989. Т.4. С. 46–47.
6. Клейст Г. Размышления о ходе вещей // Зарубежная литература XIX века: Романтизм / Хрестоматия историко-литературных материалов. – М.: Высшая школа, 1990.
7. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. Т. 2.
8. Хугаев И.С. От сказительства к писательству: динамика и комплексы младописьменной культуры // Обсерватория культуры, 2008, № 6.
9. Хугаев И.С. Дальше на Восток: к вопросам поэтики Дзахо Гатуева // Вестник ВНЦ, 2018. № 4. С. 4–8.
10. Кусов Г.И. Малоизвестные страницы кавказского путешествия А.С. Пушкина. – Орджоникидзе: Ир, 1987.
11. Казбекова З.Г. Дагестанско-европейские литературные связи. (Периодизация. Функции. Типы контактов.) Автореф... дис. докт. филол. наук. – Махачкала, 1996.
12. Кундухов М.А. Мемуары // Дарьял, 1994. № 4.
13. Туганов Б.И. По адату // Туганов Б.И. Произведения. – Орджоникидзе: Ир, 1986.
14. Бритаев Е.Ц. Месть молодого горца // Бритаев Е.Ц. Сочинения. – Владикавказ: Ир, 2002.
15. Кубалов А.З. Афхардты Хасана. – Владикавказ, 2000.
16. Хетагуров К.Л. Походная песня // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч.: В 5 т. – Владикавказ, 1999–2001. Т. 1.
17. Хетагуров К.Л. Дума // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч.: В 5 т. – Владикавказ, 1999 – 2001. Т. 1.
18. Некрасов Н.А. Зине. – URL: <http://nekrasov.chitalnya.ru/zine.php>
19. Андреев Д.Л. «За днями дни... Дела, заботы, скука...» // Андреев Д.Л. Русские боги. – М.: Современник, 1989.
20. Тютчев Ф.И. Цицерон. – URL: <http://tutchev.ouc.ru/ciceron.htm>
21. Хетагуров К.Л. Фатима // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч.: В 5 т. – Владикавказ, 1999–2001. Т. 3.
22. Гуцин А. Памяти поэта Коста // Коста Хетагуров. Критико-биографический очерк // Коста Хетагуров / Издание Г. Дзасохова. – Ростов-на-Дону, 1909.
23. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. – Л.: Наука, 1973; М.: Визом, 1996. Т. 2.
24. Хетагуров К.Л. Надежда // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч.: В 5 т. – Владикавказ, 1999–2001. Т. 1.
25. Хугаев И.С. Усталый путник: алдар Инал и его лира // Дарьял, 2011, № 2.

«TAZIT COMPLEX»: TO THE PROBLEM OF
PUSHKIN REMINISCENCES AMONG THE
CORYPHEUS OF OSSETIAN LITERATURE

I.S. Khugaev

Dr., Sci., Leading Researcher, CRI VSC RAS

Abstract. The article examines the ideological and emotional tendency of the Ossetian Enlightenment in terms of reforming the patriarchal ethics and adat into a properly educational ideology; substantiates the methodological meaning of the concept of «Tazit complex» in relation to the psychology of the first Ossetian writers and the initial stage of development of the Ossetian professional fiction.

Keywords: Ossetian literature, enlightenment, Christianity, «Old Testament», «New Testament», blood feud, Tazit complex, Tazit, Izmail-bey, Ammalat-bek, Hasana, Gosama, Inaluko Tkhostov, Alexander Kubalov, Kosta Khetagurov.

REFERENCES

1. Pushkin A.S. Tazit // Pushkin A.S. *Sobr. soch.*: V 3 T. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. T. 2.
2. Annenkov P.V. *Materialy dlya biografii A.S. Pushkina.* – URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0020.shtml
3. Turchaninov G.F. K izucheniyu poemy Pushkina «Tazit» // *Russkaya literatura*, 1962. № 1. S. 38 – 54.
4. Khugaev I.S.
. Immanentnye i vneshnie etnokul'turnye arkhetypy kak faktory genezisa russkoyazychnoy osetinskoj literatury // *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2009, № 3.
5. Lavrov D.Ya. Zametki ob Osetii i osetinakh // *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh: V 4 T.* / Sost. L.A. Chibirov. – Tskhinvali: Iriston, 1989. T.4. S. 46 – 47.
6. Kleyst G. Razmyshleniya o khode veshchey // *Zarubezhnaya literatura XIX veka: Romantizm / Khrestomatiya istoriko-literaturnykh materialov.* – M.: Vysshaya shkola, 1990.
7. Nitshe F. K genealogii morali // Nitshe F. *Sochineniya: V 2 T.* – M.: Mysl', 1990. T. 2.
8. Khugaev I.S. Ot skazitel'stva k pisatel'stvu: dinamika i kompleksy mladopis'mennoj kul'tury // *Observatoriya kul'tury*, 2008, № 6.
9. Khugaev I.S. Dal'she na Vostok: k voprosam poetiki Dzakho Gatueva // *Vestnik VNTs*, 2018. № 4. S. 4 – 8.
10. Kusov G.I. Maloizvestnye stranitsy kavkazskogo puteshestviya A.S. Pushkina. – *Ordzhonikidze: Ir*, 1987.
11. Kazbekova Z.G. Dagestansko-evropeyskie literaturnye svyazi. (Periodizatsiya. Funktsii. Tipy kontaktov.) Avtoref... dis. dokt. filol. nauk. – Makhachkala, 1996.
12. Kundukhov M.A. *Memuary* // *Dar'yal*, 1994. № 4.
13. Tuganov B.I. Po adatu // Tuganov B.I. *Proizvedeniya.* – *Ordzhonikidze: Ir*, 1986.
14. Britaev E.Ts. Mest' molodogo gortsa // Britaev E.Ts. *Sochineniya.* – Vladikavkaz: Ir, 2002.
15. Kubalov A.Z. *Afkhardty Khasana.* – Vladikavkaz, 2000.
16. Khetagurov K.L. *Pokhodnaya pesnya* // Khetagurov K.L. *Poln. sobr. soch.*: V 5 T. – Vladikavkaz, 1999 – 2001. T. 1.
17. Khetagurov K.L. *Duma* // Khetagurov K.L. *Poln. sobr. soch.*: V 5 T. – Vladikavkaz, 1999 – 2001. T. 1.
18. Nekrasov N.A. *Zine.* – URL: <http://nekrasov.chitalnya.ru/zine.php>
19. Andreev D.L. «Za dnyami dni... Dela, zaboty, skuka...» // Andreev D.L. *Russkie bogi.* – M.: *Sovremennik*, 1989.
20. Tyutchev F.I. *Tsitseron.* – URL: <http://tutchev.ouc.ru/ciceron.htm>
21. Khetagurov K.L. *Fatima* // Khetagurov K. L. *Poln. sobr. soch.*: V 5 T. – Vladikavkaz, 1999 – 2001. T. 3.
22. Gushchin A. *Pamyati poeta Kosta* // Kosta Khetagurov. *Kritiko-biograficheskiy ocherk* // Kosta Khetagurov / *Izdanie G. Dzasokhova.* – Rostov-na-Donu, 1909.
23. Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka: v 4 t.* – L.: Nauka, 1973; M.: Vikom, 1996. T. 2.
24. Khetagurov K.L. *Nadezhda* // Khetagurov K.L. *Poln. sobr. soch.*: V 5 T. – Vladikavkaz, 1999 – 2001. T. 1.
25. Khugaev I.S. *Ustalyy putnik: aldar Inal i ego lira* // *Dar'yal*, 2011, № 2.